

16.10.18

АНДРЕЙ БЕЗРУКОВ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ РОССИИ

16 октября советник агентства «Евразийские стратегии» Андрей Безруков дал интервью изданию "Взгляд". В ходе беседы обсуждались актуальные геополитические вызовы, особенности современных информационных кампаний и внешнеполитическое позиционирование России.

ВЗГЛЯД: Андрей Олегович, тема заседания вашего клуба – «Россия: программа на 21-й век». В чем, по-вашему, роль нашей страны в 21-м веке? Что Россия должна делать, как у себя внутри, так и для всего мира?

Андрей Безруков: Мы – большой и сильный игрок в этом мире. Более того, мы один из игроков, который способен эту повестку выработать. Многие страны просто не способны на это, у них нет опыта, глубокой философии, на которой можно это строить. Нам это можно делать, у нас все есть.

Здесь вопрос не столько в материальных возможностях, вопрос в моральном лидерстве. Если мы сможем создать моральное лидерство, к нам потянутся. Мы говорим о вещах, которые нужны всем: мир, справедливость, чистая планета. Кто-то должен лидировать. Если они не могут больше лидировать, должны мы.

ВЗГЛЯД: Какие вызовы ждут Россию в ближайшие пять лет?

А. Б.: Главный вызов для нас – навязывание конфронтации. Нам навязывают военную конфронтацию, смотрите, что происходит в Сирии. Нам навязывают идеологическую конфронтацию, информационную. Нам нужно сохранить мир для развития. Если мы будем использовать наши ресурсы для того, чтобы бодаться с оппонентами, у нас не будет ни времени, ни ресурсов, чтобы развивать нашу страну.

Нужно сделать так, чтобы мы, россияне, чувствовали, что идем в правильном направлении, что каждый день жизнь хоть чуть-чуть становится лучше. Нужны не просто физические ресурсы, нужно время, чтобы не отвлекаться на то, на что нас хотят отвлечь. Отвлечь на конфронтацию для того, чтобы мы не развивались.

ВЗГЛЯД: В данный момент Россия проигрывает или выигрывает информационную войну?

А. Б.: Войну выигрывает тот, у кого инициатива и у кого достаточно хорошо поставлены цели, зачем это делается. У них совершенно понятная цель. Если взять Британию и Соединенные Штаты, у них есть и то, и другое. В Британии сейчас внутренняя ситуация очень тяжелая.

ВЗГЛЯД: Из-за Brexit?

А. Б.: Brexit лишь производная от этой ситуации. Дело в том, что Британии, британским элитам необходимо делать большой выбор. Процесс этого выбора происходит очень болезненно.

Это выбор – что делать дальше? Потому что Британия, будучи рядом с Европой, оказалась неевропейской страной, сколько бы нас ни убеждали, что это европейская страна. Она по менталитету – островная. Объединяться с континентальной Европой для создания мощного европейского центра было бы логично.

Перед Европой тоже стоит вызов, Европа из гигантского центра мира превращается всего лишь в один из регионов. Конечно, там очень много богатств, технологий, очень много умных людей, но теперь есть и другие регионы.

Более того, социальные проблемы увеличиваются. Денег больше не хватает, чтобы поддерживать прежний уровень жизни. И необходимо определяться. Либо распадаться, и каждая страна будет по отдельности. Либо нужно еще дальше консолидироваться, сливаться.

Из-за тех ошибок, которые допустил Евросоюз во время экспансии, направленной все дальше и дальше к нашим границам, он потерял внутреннюю целостность. То, что могли себе позволить, с точки зрения внутренней политики, шесть стран – учредителей этого проекта, у 28 стран уже не получается. Совершенно разные настроения, разные геополитические амбиции.

ВЗГЛЯД: Европа должна сделать свой выбор, а британские элиты – свой?

А. Б.: Британия по менталитету и устремлениям совершенно другая страна. Последние 200–300 лет это была глобальная держава, со своими амбициями, своим правящим классом, который мнит себя глобальным. Более того, он привык руководить миром и не забыл еще свое имперское прошлое. И он не хочет просто вписаться как один из проектов в мир, где британским лордам будут из Брюсселя рассказывать, что им делать. Они не готовы к этому.

Выбор [Британии] очень болезненный, он происходит на фоне углубления и социальных, и экономических проблем. Поэтому для них прекрасно работает поиск врага, переключение всех проблем на то, что это вот Россия мутит воду. То же самое

и в Америке: давайте найдем врага, который, кстати, не очень сильно с нами завязан экономически и который традиционно воспринимался всеми как враг. И давайте на него все валить.

Тем более что они теряют? Если в противоречиях с Китаем возникают серьезные торгово-экономические проблемы, то торговли с нами, по сути, нет.

ВЗГЛЯД: Россия оказалась удобна в роли оппонента?

А. Б.: Россия всегда была удобным мальчиком для битья. Она далекая, непонятная, там медведи ходят. Традиционно типаж такой большой страны с ядерным оружием – это враг.

Война – это крайний способ борьбы, чисто силовой и самый экстремальный. А информационная война является в этом смысле заместителем тех возможностей борьбы, которые совершенно невозможны при использовании ядерного оружия. А вот политическую борьбу с помощью информационной войны можно вести, и прежде всего это навязывание своей точки зрения. Она ведется не против нас, а используя нас, – чтобы навязывать свою точку зрения всему остальному миру. Прежде всего европейским союзникам, чтобы держать их в узде, одновременно ими манипулируя.

ВЗГЛЯД: То есть, по сути, дело не в России? Россия – инструмент?

А. Б.: Очень удобный инструмент. А мы, естественно, должны как-то отвечать.

ВЗГЛЯД: А мы подыгрываем?

А. Б.: Не думаю, что мы подыгрываем, я думаю, мы обороняемся. Но вопрос в том, что обороняться в информационной войне не очень практично. Вот спросите любого военного, можно ли наладить оборону в открытом пространстве, он скажет – нельзя, потому что вас всегда могут обойти с тыла. В информационном открытом пространстве – то же самое. Либо вы владеете инициативой, задаете правила игры, выдаете идеи, которые будут завтра обсуждаться. Вы ставите вопросы и завоевываете умы и сердца аудитории, даже не своей и не обязательно их, потому что вы находитесь совершенно на разных концах, – но симпатии третьих лиц, которые смотрят со стороны и либо симпатизируют им, либо симпатизируют вам. Это и страны БРИКС, и Восток, и весь остальной незападный мир, который нам очень симпатизирует.

Сейчас наша гигантская задача – не просто обороняться от западного информационного давления, а убедить весь остальной мир, что это информационное давление – нечестное. Его оказывают на нас те, кто стремится проталкивать свои какие-то цели и интересы, причем по всему миру, эксплуатируя всех остальных.

К сожалению, наша точка зрения только начинает до них доходить, через наши медиа, например, через тот же самый «Спутник» или RT. Но их мало, весь остальной мир отслеживает устоявшиеся информационные источники Запада: Associated Press, CNN и другие каналы, тем более что они задают тон и в «Фейсбуке».

ВЗГЛЯД: Наверное, здесь стоит рассчитывать и на наш МИД...

А. Б.: Дипломатия не годится для идеологической войны. Это прекрасно одетые люди, которые вежливо разговаривают друг с другом, работают по правилам, у них есть протокол, традиции. МИД – это наши официальные каналы общения. Но сегодня, вместе с развитием информационной среды, каналы возникают от человека к человеку, а не от государства к государству.

Чтобы убедить весь остальной мир в чем-то, нужна позитивная повестка дня, которая предлагает то, что миру нужно. А что миру нужно? Миру нужен мир. Войны никто не хочет. Нас, по сути, ведут к войне, потому что идет передел мира.

Давайте будем бороться за планету, которая будет чистой, на которой будут ресурсы, уровень жизни будет подниматься, на которой не будет таких неприемлемых вещей, как война, несправедливость, социальное неравенство, которое высасывает соки из всех стран.

Если мы сможем предложить позитивную повестку дня, за нами пойдут, ведь у Запада сейчас нет позитивной повестки. В свое время она была. Было движение против колониализма, за демократию. У нас должна быть повестка дня, которая идет дальше, чем просто демократия, – за лучшую и справедливую планету.

ВЗГЛЯД: Разве сейчас это возможно?

А. Б.: Возможно, просто надо этим заниматься целенаправленно. «Валдай» – площадка, где обкатываются идеи, где люди с различными бэкграундами из разных стран могут выработать подходы, которые были бы взаимно приемлемы и несли миру что-то. На таких площадках происходит выработка общей повестки дня. Она должна быть озвучена, оценена. Поэтому такие встречи, как «Валдай», трудно переоценить.

ВЗГЛЯД: Вы говорили, что Россия должна транслировать определенные глобальные ценности. А насколько Россия может претендовать сейчас на моральное лидерство? Когда нам говорят: вы одних травите, других высылаете, то вы не имеете права рассказывать, что вы за мир во всем мире?

А. Б.: А кого мы реально травим и высылаем? Нам приписывают, что мы травим и высылаем. Просто в информационной войне они сейчас владеют инициативой. Каждую неделю что-то вбрасывается. Если бы это была правда, то она не вбрасывалась бы каждую неделю. А здесь явно идет информационная кампания, которая живет по своим законам. Просто потому, что это очень хорошая тема, которую надо постоянно поддерживать.

Я не согласен с тем, что мы в принципе как-то хуже их. Мы исторически сделали много меньше гадостей, чем они. Почитайте историю.

Сейчас у нас достаточно сложный период. Но весь российский менталитет – я не говорю чисто религиозный – в нем всегда стоял вопрос справедливости, о том, как жить правильно, о достоинстве человека. У нас нация очень открыта к вопросу справедливости. Русский человек ищет справедливости все время.

ВЗГЛЯД: Как бы этот образ на ту сторону протранслировать? Там же считается, что русский – это как раз угрюмый, замкнутый, постоянно рефлексирующий...

А. Б.: Рефлексирующий – да. Нам надо научиться управлять своим имиджем. А мы были всегда ведомыми в этом вопросе. То мы были периферией Европы. То вели с ними информационную войну, давно, очень давно. То мы были «коммунистической заразой», на которую они потратили всю холодную войну, чтобы нас довести до нечеловеческого состояния. Мы были для них людоедами какими-то. Этот имидж живет.

ВЗГЛЯД: С небольшими перерывами – в девяностых и начале двухтысячных было лучше с имиджем.

А. Б.: Но в цивилизованный клуб нас не приняли. Однако сейчас весь мир переворачивается с ног на голову. То, что было центром мира, центром мира больше не является. Где больше всего людей живет? Китай, Индия – цивилизации, которым по 5 тысяч лет. Они переживали расцвет еще до того, как Европа стала цивилизованным местом. Они возвращают свою позицию, которая у них была.

ВЗГЛЯД: Могут ли быть «мягкой силой» наши культурные и спортивные мероприятия? Мы помним, как прошла Олимпиада в Сочи, после этого случились события 2014 года и все успехи забылись.

А. Б.: Правильно, ведь над этим они целенаправленно работали. Почему все эти информационные атаки привязаны к нашим позитивным событиям вроде чемпионата мира по футболу? Потому что они для того и делаются, чтобы их влияние нивелировать. Это не первый и не последний раз, так будет всегда. Это информационная идеологическая война, она надолго. Она просто потому, что у стран свои интересы. Каждый на другом уровне отстаивает их как может.

ВЗГЛЯД: То есть на информационном поле мы можем в лучшем случае сыграть «в ноль»?

А. Б.: Нет-нет. Информационное поле зависит от доминирующей идеи. Вспомните, и перед, и после Октябрьской революции доминирующей была идея справедливости. Революция делалась потому, что несправедливость выплеснулась. И после этого мы в мире получили гигантское количество союзников, развитие левого движения. Которое, кстати, затем и создало средний класс в Европе и Соединенных Штатах. Боязнь того, что у них случится то же из-за социальной несправедливости, заставила их потратить деньги, забрать их у богатых и распределить их среди всего остального общества. Только поэтому оно не взорвалось.

Сейчас они об этом забыли. Но все возвращается на круги своя. Вопрос справедливости опять встает в мировом масштабе точно так же, как он вставал 100 лет назад. Мы вернулись к тому же уровню социальной несправедливости и расслоения общества. Тем более что люди сейчас знают, как живут в других странах, гораздо больше, чем знали тогда. Теперь у каждого пацана в Африке смартфон, он видит, как живут его сверстники в Европе. Именно поэтому он и пытается уехать в Европу, чтобы так же жить. А если у него не получается, он берет автомат Калашникова – и мы получаем ИГИЛ*, запрещенную организацию.

У нас в России есть все проблемы социальной несправедливости. Но вместе с тем у нас осталась тяга еще от того общества, в котором мы жили. Мы знаем, что можно

жить по-другому. Многие считают, что то общество было справедливее. Это вопрос, конечно, с какой стороны оно было справедливее, с какой – нет. В России можно найти этот заряд, тягу к справедливости, которая в других странах есть, но не вербализована настолько в культуре и политике. Россия может быть мировым лидером справедливости.

ВЗГЛЯД: То есть это некая новая версия идеи справедливости начала двадцатого века?

А. Б.: Сейчас идет политический передел мира – и социальный передел за ним пойдет. С новыми технологиями, с кризисом.

Будет обязательно структурный глубокий кризис как в тридцатых годах. 2008-й – это только предвестник, который ослабил мировую финансовую и в целом капиталистическую систему.

ВЗГЛЯД: А когда вы ожидаете начала кризиса и сколько он продлится?

А. Б.: Кризисы предсказывать – вещь неблагодарная. Но то, что люди говорят, – в течение следующих трех лет. То общество, которое сможет больше других обеспечить социальный мир внутри себя за счет социальной справедливости, выживет. Остальные общества взорвутся. Слабое звено всегда рвется. Слабым звеном был Ближний Восток, где несправедливости всякой разной накопилось больше, чем в других местах. Он уже горит. Посмотрите, что происходит в Западной Европе. Там, конечно, большой запас богатства, но там люди недовольны.

Структурный кризис в мире уже начался, потому что начался технологический переход. И в любом случае нам придется решать эти вопросы. Отсидеться ни одной из стран не удастся, в том числе и нашей стране.

ВЗГЛЯД: А долго ли продлится кризис в отношениях с Западом?

А. Б.: Ой, долго. Должна произойти смена поколений. То поколение, которое сейчас у руля, выросло в годы холодной войны. Они привыкли к этому, они на это ставят, они по-другому даже не умеют. Придет новое поколение, для которого холодная война – это история. У них будет другая повестка дня, другое ощущение самих себя, другие идеалы. Самое главное для нас не ввязаться в войну в это время, сохранить социальный мир и обеспечить развитие. Если мы обеспечим развитие и рост, все остальные проблемы мы решим.

Оригинальная публикация vz.ru

Источник: [Андрей Безруков о внешнеполитическом позиционировании России](#)

ОБ АВТОРЕ

Андрей Безруков

Советник

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, прогнозирование

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, эксперт по внешней и оборонной политике. Специализируется на правительственных и корпоративных системах стратегического прогнозирования и планирования. Эксперт по управлению изменениями в корпорациях и выстраиванию процессов взаимодействия с крупными клиентами.

Профессиональный опыт: Доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. С 2010 года – советник президента ПАО «НК «Роснефть». Эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай», член Президиума Совета по внешней и оборонной политике. Полковник разведки в отставке.

